

ДЕТЯМ О Л. Н. ТОЛСТОМ: НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

© Лилия Насрутдинова, Наталья Махинина

CHILDREN LEARNING ABOUT LEO TOLSTOY: NARRATIVE STRATEGIES

Liliya Nasrutdinova, Natalia Makhinina

The article is devoted to an urgent problem of modern humanitarianism – narrative strategies in literary biographies. We summarize and systematize literary and methodological studies devoted to representations of documentary and biographical material in the works aimed at the child reader. The article identifies basic principles of constructing such narratives: describing mainly the events of childhood and adolescence of the person being portrayed, omitting facts that can traumatize the child's psyche, as well as controversial ones in their ethical and historical assessment. The realization of these attitudes is traced in the collection of memoirs "Tolstoy's Garden", the popular science essay by K. Lomunov and the fictionalized biography by A. Strokinina. The article emphasizes the genre traditions of anecdote, heroic legend and parable, which are genetically embedded in biographical narratives. Special attention is paid to the intersection of the semantic dominants of Leo Tolstoy's own memories of his childhood and the memories about the writer left by his descendants, students of his school and the children who met with him in Yasnaya Polyana and Khamovniki. We note that the child's point of view determines the specific features underlying the literary world of A. Strokinina's book and reveal additional meanings that arise due to presenting a real person as a narrator, who is part of the Tolstoy family. The conclusion is made about the combination of documentary principles and the tendency to mythologize the writer's personality in the works aimed at a children's readership.

Keywords: literary biographies, memoirs, documentary, child reader, Leo Tolstoy, A. Strokinina

Статья посвящена актуальной проблеме современной гуманитаристики – нарративным стратегиям в художественных биографиях. Авторами обобщаются и систематизируются литературоведческие и методические исследования, посвященные проблеме репрезентации документального, биографического материала в произведениях, ориентированных на читателя-ребенка. Выводятся основные принципы построения подобных повествований: описание преимущественно событий детства и юности изображаемой личности, отказ от упоминания фактов, способных травмировать детскую психику, а также спорных в их этической и исторической оценке. Прослеживается реализация данных установок в сборнике воспоминаний «Сад Толстого», научно-популярном очерке К. Н. Ломунова и беллетризированной биографии А. Строкиной. Акцентируются жанровые традиции анекдота, героической легенды и притчи, генетически заложенные в биографических повествованиях. Особое внимание уделяется пересечению смысловых доминант воспоминаний самого Л. Н. Толстого о своем детстве и воспоминаний о писателе, оставленных его потомками, учениками его школы и детьми, встречавшимися с ним в Ясной Поляне и Хамовниках. Отмечается, что точка зрения ребенка предопределяет и специфику построения художественного мира книги А. Строкиной. Выявляются дополнительные смыслы, возникающие благодаря выведению в качестве повествователя реальной личности, являющейся частью семьи Толстых. Делается вывод о сочетании документального начала и тенденции к мифологизации личности писателя в произведениях, ориентированных на детскую читательскую аудиторию.

Ключевые слова: художественные биографии, воспоминания, документальное, ребенок-читатель, Л. Н. Толстой, А. Строкина

Для цитирования: Насрутдинова Л., Махинина Н. Детям о Л. Н. Толстом: Нарративные стратегии // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 160–166. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-160-166

Жанр художественной биографии, традиционно остающийся дискуссионным в литературоведческой среде, весьма востребован современной читательской аудиторией. С этой точки зрения показательны, например, статистические отчеты серии «ЖЗЛ»: если в 1990-е гг. в серии вышло 50 книг, то в первые два десятилетия XXI в. более 50 книг публикуется ежегодно. Очевидно, это связано с возросшим интересом к частной жизни личности, особенно известной. Кроме того, биографический метод сегодня – один из важных путей изучения творчества писателя.

Интерес к художественной документалистике находит отражение и в литературе для детей. Так, детская редакция издательства «Эксмо» запустила новый познавательный проект «Великие люди великой страны», а издательство «Детская литература» выпустило серию книг «Нескучные биографии великих людей».

Создание биографического повествования, ориентированного именно на читателя-ребенка, неизбежно предполагает решение ряда методических проблем. Изначально вопрос создания такого рода биографий связан с определением исходной задачи: написания интересного текста, который ребенок захочет прочитать сам, либо создания биографии для прикладных нужд, прежде всего для знакомства с ней детей в образовательных учреждениях. Различие этих задач определяет и разные форматы подачи биографического материала, его отбор, объем и саму форму изложения.

Значимую черту биографических повествований для детей отмечает З. А. Гриценко, автор учебника «Литературное образование дошкольников» [1]. Она пишет, что отбор эпизодов из биографии писателя или поэта, которые могут быть сообщены детям, требует обостренного чувства меры; сообщаемые факты должны быть достоверными, опираться на авторитетные источники, а не на слухи и легенды. С этой точки зрения важно, что анализируемые нами тексты в основном представляют собой воспоминания, живое свидетельство тех, кто связан с Л. Н. Толстым кровными узами, был знаком с ним или хотя бы видел его лично.

Необходимо отметить ощутимую диспропорцию между количеством документальных повествований о Л. Н. Толстом, написанных для взрослых и для детей. На сегодняшний день существует несколько десятков биографий писателя (в том числе художественных), однако среди них можно выделить всего 3 книги, предназначенные для детского чтения. Это научно-популярный очерк К. Н. Ломунова, вышедший в издательстве «Детская литература» в 1978 г., не-

большой сборник воспоминаний Толстого и о Толстом, опубликованный тем же издательством в 1987 г., и недавно созданная книга А. Строкиной.

Неизбежно возникает вопрос, почему столь значимая фигура в определенной степени обойдена вниманием. Это тем более странно, учитывая, что Л. Н. Толстой основал школу для крестьянских детей, сам в ней преподавал, создал «Азбуку» и серию коротких рассказов. К тому же сам его облик идеально укладывается в стереотипное представление о русском писателе.

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к методическим установкам, лежащим в основе построения биографического повествования для детей. Л. М. Гурович, Л. Б. Береговая, В. И. Логинова, В. И. Пирадова в работе «Ребенок и книга» [2] указывают, что юным читателям следует рассказывать о детстве писателя, его семье, учебе, отношении к детям.

Эта черта явно находит отражение в текстах, ставших материалом нашего исследования. Хотя в основном Л. Н. Толстой предстает в этих книгах уже взрослым, даже пожилым человеком, однако большое внимание уделяется его общению с детьми, играм с ними. Показательно, что именно он и выступал инициатором этих забав. Например, бывший ученик яснополянской школы Василий Морозов вспоминает, что во время часовой перемены их учитель призывал своих учеников устроить кучу-малу, предлагал им всем попытаться свалить его одного, зимой катался с ними на санях с горы, и даже во время урока мог попрыгать вместе с учеником, если на него вдруг напал ступор [3, с. 18–20]. Если во время существования яснополянской школы (с 1859 по 1863 г.) Л. Н. Толстому было 30 с небольшим лет, то большинство воспоминаний о нем относятся к началу XX в., когда он был уже очень немолод. Но все авторы вспоминают, как он катался с горы, на коньках, на велосипеде, устроил шумное купание в реке для посетивших его в Ясной Поляне детей тульских рабочих и т. д. В совокупности эти эпизоды создают ощущение, что Л. Н. Толстой так и остался ребенком в душе, поэтому даже рассказ о встрече с ним в 1909 г. – это все равно повествование о его детстве.

Преимущественное внимание к детско-юношеским годам героев биографических повествований, предназначенных для чтения детям, в случае с Л. Н. Толстым вступает, однако, в противоречие с методической рекомендацией не сообщать факты, способные травмировать детскую психику. Очевидно, что в данном случае не упомянуть о раннем сиротстве и участии в военных событиях невозможно.

Кроме того, предписывается осторожно подходить к изложению спорных, неоднозначных с точки зрения нравственной, исторической оценки фактов из биографии писателя. Это особенно важно, поскольку, как справедливо указывает Б. В. Дубин, существует неразрывная связь биографии и репутации [4, с. 114].

Л. Н. Толстой, которого на рубеже XIX–XX вв. воспринимали едва ли не как пророка, в юности своей, оказавшись в Казани в возрасте 13 лет, вел жизнь, мягко говоря, не праведную (подробнее об этом см. в нашей статье о художественной интерпретации казанского периода жизни писателя [5]). Возникает очевидная проблема: как преподнести факты этого значимого периода жизни читателю-ребенку. Например, К. Н. Ломунов предлагает неожиданное, почти парадоксальное оправдание фиаско юного Л. Н. Толстого на экзаменах:

«Среди полученных Толстым отметок нет ни одной тройки, а или пятерки и четверки или единицы. То, что его спрашивали, он либо знал отлично и хорошо, или не знал совершенно» [6, с. 12].

По сути, вина перекладывается на его опекунов, которые не обеспечили ему необходимую подготовку к экзаменам. А А. Строкина тактично умалчивает о причинах продажи главного яснополянского дома.

Говоря об очерке К. Н. Ломунова, а также сборнике воспоминаний «Сад Толстого», следует отметить и влияние эпохи, в которую они были опубликованы: советская идеология предопределила ряд идеологических акцентов. Например, К. Н. Ломунов, видимо, чтобы оправдать выведение образа графа как образца для подражания для советского ребенка, неоднократно подчеркивает, что он формировался как личность под влиянием людей с прогрессивными демократическими взглядами.

И практически каждый автор воспоминаний в книге «Сад Толстого» приводит эпизод, доказывающий, что писатель не признавал сословных границ. Например, внук Л. Н. Толстого, Сергей, вспоминает самую первую свою встречу со знаменитым дедом. Лев Николаевич тогда пришел в дом его другого деда, директора Сельскохозяйственной Академии. Он не сразу поднялся на второй этаж, где были расположены господские комнаты, а задержался внизу и поговорил с кухаркой, «мимо которой обычно проходили, не удостоивая ее своим вниманием» [3, с. 58]. С. Толстой вспоминает также, что его дед словно стеснялся того, что на него работают слуги, поэтому старался многое делать сам и к этому же призывал внука.

В другом очерке из книги «Сад Толстого» дети тульских рабочих уже до своего посещения Ясной Поляны знали о Л. Н. Толстом, что тот родился богатым, но потом отказался от своего состояния и «сделался вроде крестьянина – просто одевался, пахал, косил» [Там же, с. 22]. А А. Вьюрков, мальчишкой живший по соседству с домом в Хамовниках, вспоминает, что на елку к своему сыну Ванечке Л. Н. Толстой пригласил не только детей артельщика, но и их, детей рабочих пивзавода [Там же, с. 54]. Неудивительно, что авторы воспоминаний, вспоминая свою детскую встречу с Л. Н. Толстым, упоминают о том, что они начинают его воспринимать как родного: им даже хотелось обнаружить черты своего внешне-го сходства с ним.

В продолжение разговора обратимся к значимому для нас положению, высказанному В. И. Тюпой, который рассматривал биографию как жанр, сформированный тремя архаичными нарративными традициями: героической легенды, притчи и анекдота [7].

Интересно, что именно эти жанровые и повествовательные традиции стали основой формирования жанровой картины детской литературы, именно они определили и специфику биографических книг о писателях для детей. Так, в сборнике «Сад Толстого» можно обнаружить элементы всех трех этих жанров.

На жанровом каноне анекдота выстраивается, например, эпизод воспоминаний А. Вьюркова. Прохожий в районе Хамовников восхитился «дедушкой», промчавшимся стремительным аллюром на своей низкорослой лошадке, и не хотел верить словам мальчишки, уверяющего его, что он только что видел самого Толстого [6, с. 56]. На этом же жанровом каноне практически полностью построен текст А. Сергеевко «Как Лев Толстой рассказывал сказку об огурцах» [Там же, с. 38–46].

Если говорить о каноне притчи, то едва ли не каждый поступок Л. Н. Толстого в глазах повествователей, которые встречались с ним в своем детстве, приобретает притчевое начало. Например, С. Толстой вспоминает, как он не позволил деду прокатиться на своем подростковом велосипеде, опасаясь за его сохранность. Хотя дед произнес в ответ всего одну короткую фразу, по прошествии лет внук обнаруживает в ней множество смыслов [Там же, с. 63].

Канон же героической легенды прослеживается в тенденции к мифологизации образа Л. Н. Толстого. Так, в рассказе о посещении имения писателя детьми тульских рабочих уже в первых строках заявляется, что все они слышали о нем «с самых малых лет» [Там же, с. 22].

Особенно очевидно тенденция к мифологизации ошутима в эпизодах, когда Толстой демонстрирует какие-либо спортивные навыки, неожиданные в исполнении весьма пожилого человека: он словно взлетает в седло лошади, весьма ловко управляет велосипедом, даже если едет по снегу, крутится на брусках, влезает по шесту, делает треугольник на трапедии. Повествователи вынуждены признать, что даже они, дети, не способны за ним угнаться, поэтому, когда они не смогли догнать его во время катания на коньках, *«приписывали его успех не ему лично, а его конькам»* [Там же, с. 54].

В детском восприятии масштаб этого человека столь возрастает, что он воспринимается едва ли не как былинный герой. В рассказе А. Сергеевко о встрече с детьми тульских рабочих сравнение с богатырем прямо проговаривается [Там же, с. 25], несмотря на то что Л. Н. Толстому в этот момент было уже 79 лет и поход в жару до реки дался ему не так просто.

Более того, мы полагаем, что сама композиция сборника «Сад Толстого» во многом подчинена законам притчи и героического повествования. В этой книге, как мы уже говорили, собраны воспоминания самого Л. Н. Толстого о детстве и воспоминания тех, кто его знал.

Воспоминания писателя интересны тем, что он, излагая свою биографию, очевидно, ориентируется на широкого читателя и прежде всего читателя-ребенка. Автор описывает тех людей, которые его окружали в детстве, и отдельные события биографии, делая акцент на том, что все это оказало на него определенное влияние. Остальные 5 воспоминаний, вошедшие в сборник, словно раскрывают связь того, что бережно хранится в памяти Л. Н. Толстого (не случайно едва ли не половина абзацев в его воспоминаниях начинается со слов «Я помню») и его собственной модели поведения.

Например, в воспоминаниях Л. Н. Толстого явно ошутима значимость семьи, и шире – сообщества людей, *«льнущих любовно друг к другу»*. И сам он постоянно окружен людьми, призывает их к совместной деятельности, демонстрирует уважительное отношение даже к детям заводских рабочих, которые своим шумом мешали его занятиям [Там же, с. 47]. Даже количество детей тульских рабочих, приехавших в Ясную Поляну, – 900 человек! [Там же, с. 23], его словно и не смущает вовсе.

В отце и старшем брате Л. Н. Толстой восхищается такими качествами, как начитанность и талант рассказчика. Авторы остальных 5 очерков восхищаются уже умением самого писателя завораживать рассказом, разговором, объяснением

темы урока. Особенно в этой связи хотелось бы упомянуть рассказ А. Сергеевко «Как Лев Толстой рассказывал сказку об огурцах». По сути, в рассказываемой им сказке нет ничего чудесного, и сюжет ее совсем не занимательный, однако внуки не отводят от него глаз, потому что повествование он ведет не только голосом, но и лицом и руками. Особенно они восхищены тем, как он имитирует хруст съедаемых огурцов. Повествователь отмечает, как много ему, видимо, когда-то пришлось упражняться, чтобы научиться этому хрусту и забавлять им детей [Там же, с. 43].

Авторы всех очерков вспоминают эпизоды, когда Л. Н. Толстой делал что-то исключительно для того, чтобы доставить радость ближнему. Например, А. Сергеевко вспоминает, как он пошел с детьми тульских рабочих в жару за 2 километра купаться в реке, как многократно показывал детям «фокус» – превращение складной летней шляпы на пружинном каркасе из маленького комочка в большой головной убор, как демонстрировал упражнения на спортивных снарядах и т. д. А. Вьюрков – как Л. Н. Толстой устроил каток для хамовнических детей и даже купил коньки тем, у которых их не было, как украсил ледяную горку елочками в елочных украшениях и т. д. В воспоминаниях Л. Н. Толстого можно обнаружить образец подобного поведения – это Т. А. Ергольская, главным качеством которой, по его мнению, является *«удивительная всеобщая доброта ко всем без исключения»* [Там же, с. 6].

Отметим также значимость идеи учительства, наставничества, реализованной во всех очерках. В воспоминаниях ученика Яснополянской школы эта роль Л. Н. Толстого обусловлена сюжетной ситуацией. Однако и в рассказах А. Вьюркова и А. Сергеевко дети размышляют о тех уроках, которые они вынесли из общения с писателем. И абсолютно явно эта идея выражена в воспоминаниях его внука – Сергей прямо заявляет: *«Он говорил „с умом“, желая помочь моему воспитанию, сделать из меня настоящего человека»* [Там же, с. 57–58].

Важно, что уроки Л. Н. Толстого извлекаются героями воспоминаний не только из прямого с ним общения. Так, в очерке «Сад Толстого» хамовнические ребятишки перестали воровать яблоки в саду и ломать ветви яблонь после беседы с сыном дворника усадьбы, который передал сверстникам, что говорил в подобной ситуации Л. Н. Толстой в Ясной Поляне. Получается, что значимость подобных воспоминаний – это не только создание живого образа писателя, но и возможность распространения его жизненных ценностей.

Перечисленные выше принципы построения биографических повествований для детей положены и в основу книги А. Строкиной «Лев Толстой. Ничего, кроме радости». Повествователем здесь также становится ребенок. И детским восторгом перед миром здесь наполнены все описания, особенно пейзажные: *«спустишься в сад – там кусты жасмина, розы, насекомые суетятся...»* [8]. Открытость миру сочетается с подетски бурным воображением, поэтому повествователь убежден, что, например, выйдя на улицы Казани, легко можно представить себя жителем древней крепости. Или, когда он разглядывает фотографию Л. Н. Толстого с перевернутым цилиндром, ему кажется, что из шляпы вот-вот выскочит пушистый кролик. Или высказывает предположение, что в фундаменте яснополянского дома дед Льва Николаевича, будучи человеком небедным, вполне мог припрятать сокровища.

Неудивительно, что, обладая таким воображением, повествователь часто прибегает к приему гиперболизации: пытаясь представить себе главный яснополянский дом, он высказывает предположение, что в нем могли бы поместиться все жители Ясной Поляны с коровами и козами; а казанские балы описывает так: *«Стекла дрожали и свечи гасли, когда девушки в нарядных платьях пронеслись по залу в танце»* [8]. Чтобы подчеркнуть привычку деда Л. Н. Толстого, Ильи Андреевича, к роскоши, замечает между делом, что даже белье он отправлял стирать в Нидерланды.

Пространство же Ясной Поляны и вовсе предстает как граница реального и волшебного, чего не встретишь в обыденной жизни, где тишину кабинета Л. Н. Толстого охранял семиглавый дракон с огненными языками.

В то же время в книге прослеживается свойственное ребенку стремление перевести некие абстрактные понятия или слишком большие цифры в более понятную систему координат. Например, говорится, что в рукописи «Войны и мира» 5202 листа, и тут же отмечается, что этого должно хватить, чтобы выстелить дорогу от Ясной поляны до Москвы [Там же].

Также важно, что повествователю-ребенку, как правило, сложно провести грань между значимым и обыденным, ему одинаково важны и грандиозные события, и мелкие детали. Так, в эпизоде о самообразовании Л. Н. Толстого акцентируется внимание не только на содержании читаемых им философских трактатов, но и на такой бытовой для того времени детали, как необходимость разрезать страницы специальным ножиком.

В книге А. Строкиной героем-повествователем становится не некий абстрактный ребенок, а последний, поздний сын четы Толстых, Ванечка. И это, как нам представляется, переключается с отмеченной нами ранее важностью семьи, единения. Ведь именно Ванечке удалось ненадолго возродить дух внутреннего родства в семье, где уже обнаружилось много проблем и противоречий. Показательно, что и сам юный повествователь сетует на то, что ему не довелось застать то время существования семьи в Ясной Поляне, которое было наполнено тихой радостью.

Конечно, повествование от лица члена семьи Толстых придает тексту характер особой достоверности: Ванечка описывает игры, которые отец придумал для старших детей и для них с сестрой Сашкой; знает, что именно Саша первая стала называть кабинет отца крепостью, что, когда он работал, все старались перешагивать скрипучую половицу, что, будучи близоруким, Л. Н. Толстой любил работать, сидя на детском стульчике дочери Тани, чтобы быть ближе к страницам... Достоверность тех или иных фактов постоянно подтверждается ссылками на дневники Льва Николаевича и Софьи Андреевны, на письма Л. Н. Толстого, на записи Татьяны Львовны и воспоминания Александры Львовны.

В то же время повествование о серьезных, взрослых проблемах, особенно о позднем этапе жизни Л. Н. Толстого, от лица ребенка, не дожившего до 7 лет, на первый взгляд, кажется парадоксальным. В связи с этим следует вспомнить, что именно Ванечку считали самым одаренным из всех детей писателя, пророчили ему роль духовного наследника и продолжателя его дела. Ванечка предстает в книге очень тонко чувствующим людей и мир: так, он умеет замечать людей с глазами как осенние льдинки, он слышит музыку от картины И. Е. Репина, на которой изображены Л. Н. Толстой и Саша за роялем, а в холоде последнего сентября Льва Николаевича ему чудится что-то неласковое.

В результате, несмотря на детское мировосприятие, несмотря на все эти «маменька» и «папенька», маленький повествователь превращается в своеобразное alter ego Льва Николаевича, а повествование порой перерастает как бы в саморефлексию. Например, рассказывая о матери Л. Н. Толстого, повествователь замечает, что она была такая добрая и обладала массой иных неоспоримых достоинств, что никакой красоты ей не нужно было. В этом сложно не увидеть размышления классика об истинной и ложной красоте.

Говоря о своеобразии повествователя в книге А. Строкиной, нельзя не отметить и такой спор-

ный момент: в книге рассказывается о тех событиях, которые находятся вне хронологических границ земного существования Ванечки. Иногда повествователь и сам делает на этом акцент. Например, замечает, что не имел возможности познакомиться с братьями Петрушей и Колей и сестрой Варенькой, поскольку они умерли до того, как он родился. Однако, как говорится в предисловии, то, что он не видел, могло угадать его чуткое сердце.

Кроме того, Ванечку все любили и часто называли ангелом, похож он был на ангела и внешне: сероглазый, со светлыми кудрями. И эта его сущность позволяет ему видеть то, что было до него и после. Так, он уверенно сообщает, что по романам Л. Н. Толстого сняли много фильмов и перевели их на десятки языков. Ангелы обладают и даром всеведения, безграничного понимания. Потому уже и неудивительно, что в момент раскола в семье, раздела Ясной Поляны и авторских прав, Ванечка едва ли не единственный понимает отца: он размышляет о том, что глупо владеть наделом земли, потому что на самом деле это земля владеет нами.

Дар глубинного понимания событий обусловил и тот факт, что повествователю удалось уловить главный нерв существования Л. Н. Толстого – пульсацию внутри него времени, которое сначала тихо звучало, затем начало биться, затем отбивало какой-то страшный ритм и, наконец, взбунтовалось, заклокотало, побудило покинуть привычный мир [Там же].

Таким образом, задача создания биографического повествования о Л. Н. Толстом для детей усложняется тем, что здесь более важна внутренняя биография, о которой юному читателю рассказать достаточно сложно. Соотнося немногочисленные биографические материалы, написанные в разные периоды, можно утверждать, что их объединяет общий принцип идеализации и мифологизации фигуры писателя, что, как нам кажется, достаточно органично, поскольку Л. Н. Толстой еще при жизни стал личностью легендарной.

Список источников

1. Гриценко З. А. Литературное образование дошкольников. М.: Академия, 2014. 352 с.
2. Ребенок и книга: пособие для воспитателя детского сада / Л. М. Гурович, Л. Б. Береговая,

А. И. Логинова, В. И. Пирадова. СПб.: Детство-Пресс, 1999. 127 с.

3. Сад Толстого: Избранные воспоминания. М.: Детская литература, 1987. 64 с.
4. Дубин Б. В. Обращенный взгляд // Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001. С. 100–119.
5. Насрутдинова Л. Х. Казанские страницы жизни Льва Толстого в художественно-биографических повествованиях // Филология и культура. 2018. № 4 (54). С. 186–191.
6. Ломунов К. Н. Лев Толстой. Очерк жизни и творчества. М.: Детская литература, 1978. 256 с.
7. Тюпа В. И. Стратегии писательской биографии (на материале жизнеописаний А. П. Чехова) // AvtobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. 2016. № 5. С. 39–53.
8. Строкина А. Лев Толстой. Ничего, кроме радости: Аудиокнига. М.: ВИМБО, 2023. 1 ч. 43 мин.

References

1. Gritsenko, Z. A. (2014). *Literaturnoe obrazovanie doshkol'nikov* [Literary Education of Preschoolers]. 352 p. Moscow, Akademia. (In Russian)
2. *Rebenok i kniga* (1999) [The Child and the Book]. 127 p. St. Petersburg, Detstvo-Press. (In Russian)
3. *Sad Tolstogo: Izbrannye vospominaniya* (1987) [Tolstoy's Garden: Selected Memories]. 64 p. Moscow, Detskaya literatura. (In Russian)
4. Dubin, B. V. (2001). *Obrashchennyi vzglyad. Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoi kul'tury* [Direct Gaze. Word – Letter – Literature: Essays on the Sociology of Modern Culture]. Pp. 100–119. Moscow, NLO. (In Russian)
5. Nasrutdinova, L. Kh. (2018). *Kazanskie stranitsy zhizni L'va Tolstogo v khudozhestvenno-biograficheskikh povestvovaniyakh* [Kazan Pages of Leo Tolstoy's Life in Fictional and Biographic Narrations]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 4 (54), pp. 186–191. Kazan. (In Russian)
6. Lomunov, K. N. (1978). *Lev Tolstoi. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Leo Tolstoy. A Sketch of Life and Work]. 256 p. Moscow, Detskaya literatura. (In Russian)
7. Tyupa, V. I. (2016). *Strategii pisatel'skoi biografii (na materiale zhizneopisanii A. P. Chekhova)* [Strategies of a Writer's Biography (based on the biographies of A. P. Chekhov)]. *Avtobiografiya: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa*. No. 5, pp. 39–53. Padua, Italy. (In Russian)
8. Strokina, A. (2023). *Lev Tolstoi. Nichego, krome radosti: Audiokniga* [Leo Tolstoy. Nothing but Joy: An Audiobook]. 1 ch. 43 min. Moscow, VIMBO. (In Russian)

The article was submitted on 27.05.2025
Поступила в редакцию 27.05.2025

Насрутдинова Лилия Харисовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lilija_nasrutdin@mail.ru

Махинина Наталья Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mahinin@rambler.ru

Nasrutdinova Liliya Kharisovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lilija_nasrutdin@mail.ru

Makhinina Natalia Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mahinin@rambler.ru